

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

И.А. Воробей

ФРАНЦИСК АССИЗСКИЙ – ИДЕАЛЬНЫЙ БЕДНЫЙ «ЧАСОСЛОВА» Р.М. РИЛЬКЕ

Аннотация. Предметом исследования статьи является лингвистический анализ и интерпретация метасмысла «Франциск – идеальный бедный» концепта «Бедность» цикле «Часослов» («Das Sunden-Buch») австрийского поэта XX века Р.М. Рильке. Поэтические смыслы образуют отличный смысл концепта на базе общепринятого значения. Автор уделяет особое внимание смысловому уровню концепта. Основное содержание статьи посвящено интерпретации последнего стихотворения третьей части цикла «Книга о бедности и смерти» («Das Buch von der Armut und vom Tode») «O wo ist der, der aus Besitz und Zeit» («Где ж он, великой нищеты творец»). Проанализированы лексическая и смысловая структуры метасмысла концепта. Установлены взаимосвязи с другими концептами цикла.

Для исследования поэтического концепта использован герменевтико-лингвистический метод, состоящий из трёх шагов: 1) метод текстового анализа Р. Барта, 2) метод предикатных гнезд, 3) метод герменевтического круга.

Новизна исследования заключается в комплексном лингвистическом анализе и интерпретации заключительного стихотворения цикла «Часослов» Р.М. Рильке. Ранний период творчества поэта обычно остаётся за рамками исследований. Основным выводом проведённого исследования является то, что феномен бедности в цикле имеет отличный от общепринятого понимания смысл. Образ Франциска является прообразом Орфея в позднем периоде творчества поэта.

Ключевые слова: Рильке, «Часослов», Франциск Ассизский, бедность, бедные, концепт, смысл, интерпретация, кристаллизация смысла, рассеяние смысла.

Abstract. The subject of the present research is the linguistic analysis and interpretation of the metamessage 'Francis as an ideal poor man' referring to the concept of poverty in 'Das Sunden-Buch' ('The Book of Hours') written by an Austrian poet of the XXth century Rainer Maria Rilke. Poetic messages form a different message of the concept based on the generally accepted meaning of the message. The author of the present article pays special attention to the conceptual level of the concept. The article is mostly devoted to the interpretation of the last poem 'O wo ist der, der aus Besitz und Zeit' ('Where it is, the creator of the great poverty') in the third part of the cycle 'Das Buch von der Armut und vom Tode' ('The Book of Poverty and Death'). The author analyzes the lexical and conceptual structures of the concept's metamessage and discovers their relations to the other concepts of The Book of Hours. In order to study the poetical concept, the author has used the hermeneutic-linguistic method involving the following three steps: 1) Roland Barthes' method of textual analysis; 2) the method of predicate nests; and 3) the method of hermeneutic circle. The novelty of the research is caused by the fact that the author provides a comprehensive linguistic analysis and interpretation of the final poem from Rainer Maria Rilke's 'The Book of Hours'. The realy period of the poet's creative writing is usually left out. The main conclusion of the research is that in The Book of Hours the phenomenon of poverty renders the message which differs from the generally accepted meaning. According to the researcher, the image of Francis is the prototype of Orpheus who appears in the late period of Rilke's creative writing.

Key words: Rilke, The Book of Hours, Francis of Assisi, poverty, poor people, concept, message/sense, interpretation, crystallization of the message/sense, dissipation of the message/sense.

В настоящей статье анализируется языковая репрезентация метасмысла «Франциск – идеальный бедный» концепта «Бедность» в последнем стихотворении третьей части «Книга

о бедности и смерти» («Das Buch von der Armut und vom Tode») цикла «Часослов» («Das Sunden-Buch») «O wo ist der, der aus Besitz und Zeit» («Где ж он, великой нищеты творец») австрийского поэта XX в. Р.М. Рильке.

В конце XX в. благодаря когнитивному повороту в лингвистике в терминологическом аппарате лингвистической поэтики появился новый термин «концепт». Понятие «концепт» позволило ввести в исследования понятие «смысл», который долгое время считался экстралингвистическим явлением и был полностью исключён из сферы лингвистических исследований, вытеснило литературоведческое понятие «образ», обеспечило научность подхода к исследованию поэтической картины мира.

Для лингвистической поэтики мы предлагаем понимать под *концептом* – ментальное многомерное образование, единица духовной культуры человека, созданная им для понимания самого себя и своего места в мире, отмеченная высокой образностью, предельным душевным напряжением, эмоциональным переживанием, материализующаяся при помощи языка, посредством слова, под *поэтическим концептом* – частичное переосмысление или варьирование общекультурного концепта, реализованное в поэтическом мире автора и неотделимое от него.

Решающим при исследовании поэтического концепта является понятие «*смысл*», т.е. понимание текста или его части (например, слова или поэтического концепта в данном корпусе текстов), реализованное читателем и (предположительно) предусмотренное автором.

Одной из методик исследования концептов поэтического мира является исследование ключевых слов автора. Данная методика представляется очень продуктивной, так как на её базе возможно как исследование отдельных концептов, так и моделирование целостных концептосфер произведений.

Ключевое слово выделяется на основе частотности его употребления. Несомненно, высокая частота употребления свидетельствует о важности и актуальности концепта, выраженного этим ключевым словом. Однако при моделировании концептосферы поэтического мира необходимо обратить внимание на то, что поэтический концепт может быть актуализирован в тексте двумя способами:

1) ключевое слово, наращивая свою смысловую энергию, становится концептом. В этом случае точкой входа в концепт служит ключевое слово, группирующее вокруг себя остальную лексику;

2) смыслы поэтического концепта опредмечиваются многими лексическими единицами и их сочетаниями. Лексема, служащая точкой входа, не относится к ключевым, частотным лексемам текста. Поэтому при составлении частотных словарей эти концепты могут выпадать из поля исследования.

Для исследования концепта, реализованного многими лексическими единицами, мы предлагаем

герменевтико-лингвистический метод, состоящий из следующих шагов:

1. Метод текстового анализа Р. Барта, который совпадает с процессом чтения, но происходит как бы в замедленной съёмке. Этот метод состоит из трёх этапов: 1) «текст расчленяется на короткие сегменты, 2) прослеживаются смыслы лексем, 3) производится последовательный анализ сегментов» [8, с. 16]. Данный метод был успешно использован для анализа «Дуинских элегий» Рильке И.П. Черкасовой [8]. Данный этап позволяет установить имплицитные смыслы и выявить концепты.
2. Выделяются лексемы, репрезентирующие смыслы концепта, и определяется основная точка кристаллизации и смысла. Для определения контекстных смыслов используется метод анализа образа на основе дистрибуции слова. Этот анализ предполагает исследование предикатов и атрибутов, сопровождающих ключевые лексемы. Этот метод анализа лексических единиц был предложен Ю.В. Поповым и Т.П. Трегубович в книге «Текст: структура и семантика». Согласно этому методу, из текста выделяются предикаты, которые характеризуют один текстуальный референтор, затем они (предикаты) подвергаются обобщению, т.е. сведению в одно или несколько предикатных гнёзд [4, с. 126]. Сведение в предикатные гнёзда производится на смысловой основе. Контекстуальные синонимы могут выступать в качестве точек кристаллизации, т.е. один из контекстуальных синонимов притягивает к себе подобные смысловые единицы и образуется предикатное гнездо, либо лексические единицы, элементарные смыслы, подвергаясь категоризации, образуют предикатное гнездо. Предикатные гнёзда в свою очередь могут подвергаться обобщениям и образовывать более крупные предикатные гнёзда. Имя концепта является тем глобальным смыслом, который вбирает в себя все контекстуальные смыслы концепта.
3. Обобщение данных о кристаллизации и рассеянии смысла (метод герменевтического круга). Под кристаллизацией смысла мы предлагаем понимать формирование однозначного непротиворечивого глобального метасмысла из частных, элементарных смыслов, подтверждающих и/или обновляющих его. Рассеяние – это процесс формирования смысла, при котором невозможно частные, элементарные смыслы объединить в один непротиворечивый глобальный метасмысл путём категоризации. При рассеянии основой объединения частных

смыслов в единый метасмысл служит не логическая и не ассоциативная связь. Таким же образом метасмыслы объединяются в концепт. Метасмысл состоит из нескольких точек кристаллизации. Элементом, объединяющим все частные элементарные смыслы и метасмыслы, выступает имя концепта.

Одним из поэтических концептов в «Часослове» Р.М. Рильке является концепт «Бедность» («Armut»). Точкой входа в концепт служит лексема Armut, которая встречается в цикле всего 7 (семь) раз. Основной лексемой, реализующей концепт, служит лексема Arme(n) с частотой употребления 21 раз. Концепт актуализируется в среднем в 17 стихотворениях третьей части цикла «Книге о бедности и смерти» («Das Buch von der Armut und vom Tode»). Уже самим названием заявлены основные концепты этой книги. Центральной проблемой третьей части является вопрос об онтологическом статусе современного, буржуазного мира. В этой части лирический герой оказывается в мире большого буржуазного города, который противопоставлен миру природы, в котором нет места богу.

Понятия «бедность» и «смерть», о которых рассуждает лирический герой, для большинства людей имеют негативные коннотации. Однако в третьей части цикла они выступают как позитивные явления, позволяющие человеку понять себя и найти своё место в мире. Бедность понимается не как социально-экономический, а как экзистенциальный феномен.

Поэтический концепт «Бедность» в «Часослове» рассеивается в трёх основных направлениях, т.е. образует три основных метасмысла:

- 1) Бедность – атрибут бога;
- 2) Бедные – новый тип людей;
- 3) Идеальный бедный.

Кратко остановимся на первых двух метасмыслах. Развёртывание концепта происходит линейно. Каждое последующее стихотворение дополняет или объясняет предыдущее.

Центральным, циклообразующим концептом «Часослова» является концепт «Бог» [2]. «Часослов» («Das Stunden-Buch») (1899, 1901, 1903) представляет собой сборник молитв лирического героя, обращённых к богу. Основной точкой рефлексии лирического героя «Часослова» является Бог (Gott).

В «Книге о бедности и смерти» («Das Buch von der Armut und vom Tode») стихотворение «Du bist der Arme, du der Mittellose» [6, с. 137] («Ты – бедный, нищетою поражённый» [5]) репрезентирует метасмысл «Бедность – атрибут бога». Бог представляет собой самое бедное существо в этом мире. Под бедностью понимается не социально-экономическое положение, отсутствие средств к

существованию, а внутреннее состояние, духовная позиция. Это внутреннее состояние характеризуется, прежде всего, в отказе от отношений собственности к чему бы то ни было. Под отношениями собственности понимается желание человека присвоить, сделать своим, использовать для своих целей что-либо. Отношения собственности мешают познанию скрытой сути вещей, искажают и извращают взаимоотношения человека с миром. Бог пронизывает всё в мире, и является наивысшим воплощением отказа от собственности. Он является истинным бедняком.

Для внутреннего состояния бедности характерно одновременно состояние страха, который предстаёт скорее достоинством, а не недостатком. Сквозь страх достижимо подлинное существование [1, с. 94]. В состоянии страха становится возможным переместить фокус своего внимания с внешних явлений на внутренний мир, изменить своё отношение к жизни. И таким образом, приблизиться к богу. Однако Бог утратил своё значение в современном мире. Люди буржуазного города сосредоточены на достижении своих целей, он не может достучаться до них. Поэтому бог одинок. Лишь люди, оказавшиеся в ситуации бедности, испытывающие чувство экзистенциального страха могут приблизиться к богу, а значит и к самой жизни. Основными элементарными смыслами метасмысла «Бедность – атрибут бога» являются: отказ от обладания; внутреннее состояние, страх; готовность к повороту в сторону природы; одиночество.

Социально-экономическая бедность становится условием возможности достижения состояния внутренней бедности. Второй метасмысл концепта «Бедность» «Бедные – новый тип людей» посвящён бедным людям, которые достигают этого состояния внутренней бедности. Бедные представляют собой отходы, отбросы большого, буржуазного города. Город использовал их и они ему теперь не нужны. Для их описания используется символика разложения. Они олицетворяют собой грязь, смерть и разложение. Именно качества: страх, отверженность, страдание, разложение становятся условием того, что изгнанные из города бедные могут стать талисманом земли, т.е. сохранить, сберечь её от уничтожения. Другим отличием бедных от остальных людей является то, что они укоренились в бытии, они, как и животные, и растения в мире, а не *перед* миром. В этом преимущество их положения, их защищённость, в отличие от «вырванных» людей. Подобно животным, они полны воспоминаний о жизни, о каждом прожитом дне, о пройденном пути. Они принимают жизнь во всех её проявлениях, и с радостями и с болью. Для укоренения в бытии необходимы такие качества как доверие и наивность.

Этими качествами обладают дети, так как воспринимают мир иначе. Они стоят ближе к миру природы. Бедные также доверчивы и наивны, поэтому они сравниваются с детьми. С возрастом эти качества утрачиваются. В представлении лирического героя бедные – это иной, новый тип людей, благодаря которому возможно продолжение жизни, бытия. Они выступают гарантом поворота человека от большого города к истинному бытию. Основными элементарными смыслами метасмысла «Бедные – новый тип людей» являются: внутренняя чистота и независимость от мира города; «вставленность» в бытие; бедность как основной принцип жизни, полное принятие жизни.

Однако на текущий момент бедным необходима помощь, они погибают в большом городе. Стихотворение «Und deine Armen leiden» [6, с. 152] («И сколько их, Твоих страдальцев нищих» [5]) заканчивается просьбой лирического героя к богу послать кого-нибудь на защиту бедных. Бедные принадлежат природе и должны быть исключены из города:

Und gibt es einen Mund zu ihrem Schutze,
so mach ihn mündig und bewege ihn [6, с. 152].

Сыщи уста, чтоб их оборонили,
и, как врата, воздвигни их скорей [5].

Таким спасителем бедных может оказаться Франциск Ассизский. Эти слова становятся введением к гимну Франциску. Почему Франциску? Ответ на этот вопрос неочевиден по двум причинам: во-первых, имя Франциска нигде в тексте цикла не упоминается, во-вторых, непонятно почему именно Франциск выбран лирическим героем.

Рассмотрим два этих момента. Традиционно в исследовании творчества Рильке стихотворение «O wo ist der, der aus Besitz und Zeit» («Где ж он, великой нищеты творец») принято считать гимном Франциску Ассизскому, поскольку в одном из своих писем своей жене от 03.10.1907 Рильке ссылается на Франциска Ассизского. Хотя М. Энгель (M. Engel) считает, что в данном стихотворении речь идёт о боге, так как используются те же самые речевые фигуры и средства образности, что и при описании бога [10, с. 53]. Мы разделяем мнение большинства исследователей, поскольку, как показал наш собственный анализ цикла, те языковые средства, которые были использованы для описания бога, были использованы и для описания бедных. Так как исследуемый метасмысл входит в структуру концепта «Бедность», вполне логично, что языковые средства могут быть одинаковыми.

Почему именно Франциск Ассизский? Что мы

знаем об этой личности? Святой Франциск Ассизский (1182-1226) родился в богатой семье в небольшом городке Ассизи в Италии. Оставив семью и богатство, он стал основателем Францисканского ордена монахов католической церкви. Одним из первых не только в христианстве, но и в западной культуре традиции он подчёркивал духовное равноправие человека и природы, проповедовал любовь и сострадание ко всему живому. ...Святой Франциск видел всю природу отражением своего Создателя и называл зверей, птиц, луну, звезды, воду своими «братьями» и «сёстрами». Землю он называл сестрой-матерью. Ко всем существам он обращался как к своим близким родственникам. ... Франциск верил, что природа сама по себе имеет значение, потому что создана Богом, и не зависит от ценности, придаваемой ей человеком. ...Франциску Ассизскому было понятно чувство равенства творений Божьих, чувство одинакового достоинства всех и вся, космического родства, которое вдохновило его написать знаменитый гимн» [7].

Обратимся теперь к стихотворению. Развёртывание метасмысла происходит линейно, от строчки к строчке, поэтому анализ стихотворения будет, за малыми исключениями, проводиться тоже линейно. При необходимости мы будем привлекать строки из других стихотворений цикла «Часослов».

Лирический герой называет Франциска der Innigste (самый искренний), der Liebendste von allen (самый любящий из всех), der Makellose (безупречный), der Klare (ясный), что указывает на то, что в сравнении с остальными бедными он является идеальным образом, представляет собой совершенную степень их качеств.

В первой же строке стихотворения говорится о бедности Франциска как его духовной позиции (erstarkte – служит указанием на это):

O wo ist der, der aus Besitz und Zeit
zu seiner grossen Armut so erstarkte,
dass er die Kleider abtat auf dem Markte
und bar einherging vor des Bischofs Kleid
[6, с. 152].

Где ж он, великой нищеты творец,
осиливший и времена и блага?
На торге сняв одежды, стал он наго
и гол пошел в епископский дворец [5].

Эти слова передают легенду, когда Франциск в оборванном виде пришёл к папе за благословением устава нового ордена (францисканцев). Слова der braune Bruder (коричневый брат) отсылают к одежде, которую носили францисканцы: длинная бурая рубаха, которую Франциску дал крестьянин.

Франциск называл себя братом всему живому, вся природа была для него большой семьёй: *der braune Bruder deiner Nachtigallen* (коричневый, смуглый брат твоих соловьёв).

Другие люди были слишком усталыми, чтобы видеть красоту природы и радоваться ей. Он находил радость в общении с природой:

*Denn er war keiner von den immer Müdern,
die freudloser werden nach und nach, [6, с. 153]*

В него усталость не могла пробраться,
он радости неутолимо брал, [5]

Он восхищался природой и жизнью:
*in dem ein Wundern und ein Wohlgefallen
und ein Entzücken an der Erde war [6, с. 153]*

кто изумлённо был влюблён в долины
и умилен землёй и тишиной? [5]

*mit kleinen Blumen wie mit kleinen Brüdern
ging er den Wiesenrand entlang und sprach [6, с. 153].*

и цветики ему бывали братцы,
с которыми он на лугу играл [5].

Согласно легенде, Франциск разговаривал с цветами и животными и даже читал им Библию. Его радость и восхищение природой, его отношение к ней переданы следующими лексическими единицами: *Licht* (свет), *Freude* (радость), *Lächeln* (улыбка), *Heiterkeit* (веселье), *Wunder* (чудо), *Wohlgefallen* (симпатия, удовольствие), *Entzücken* (восхищение), *seines hellen Herzens* (его светлое сердце). Такое отношение к природе сближает Франциска с ребёнком:

*Das Lächeln wuchs auf seinem Angesichte
und hatte seine Kindheit und Geschichte
und wurde reif wie eine Mädchenzeit [6, с. 153].*

Как детство, зрели на лице судьбины,
в улыбке отрочески голубиной
лицо его до девства доросло [5].

Это отношение к природе вылилось в поэтическое прославление жизни, природы:

*Und wenn er sang, so kehrte selbst das Gestern
und das Vergessene zurück und kam;
und eine Stille wurde in den Nestern,
und nur die Herzen schrieen in den Schwestern,
die er berührte wie ein Bräutigam [5, с. 154].*

А в песнях он гулял, как в рощах пёстрых,
само былое возвращалось в них,
и тишь смиренно поселялась в гнёздах,
и лишь сердца кричали в кротких сёстрах,
которых он касался как жених [5].

Его пение было настолько прекрасным, что внешний, экзистенциальный шум умолкал (*Stille*). Оно проникало в самое сердце. (*In den Schwestern – женский монашеский орден Кларисс, который возник при восстановленном храме святого Дамиана, который Франциск отдал девам Кларе и её сестре Агнессе.*)

Его песни, полные любви к жизни, устремлялись к людям, преисполненным любви. Эти люди сравниваются с открытыми цветами (*die offenen Corollen, auf den Blütemgrund, wie Rosen*), а его песни с пыльцой (*seines Liedes Pollen*).

Это сравнение любящих людей с цветами, позволяет отменить христианское противопоставление души и тела, как двух составных частей человека, его земную и потустороннюю части: *in ihrem Leib, der ihre Seele war* (в своём теле, что было их душой). Для животных и растений такого противопоставления не предполагается, у них нет потусторонней жизни.

Для третьей части «Часослова» характерно появление сексуальной символики («*Mach Einen herrlich, mach Einen groß*» [6, с. 129], «Хоть одного, Владыко, возвеличь» [5] и «*Und sieh: ihr Leib ist wie ein Bräutigam*» [6, с. 147], «Гляди же, Господи мой, как у них» [5]). В исследуемом стихотворении на это указывают следующие лексические единицы *Bräutigam* (жених), *Liebesnächte* (ночи любви). Эти намёки обуславливают возникновение смысла «оплодотворение». Всё живое, что услышало пение Франциска, принесло плод:

*Und ihn empfing das Grosse und Geringe
Zu vielen Tieren kamen Cherubim
zu sagen, dass ihr Weibchen Fruechte bringe, –
und waren wunderschöne Schmetterlinge:
denn ihn erkannten alle Dinge
und hatten Fruchtbarkeit aus ihm [6, с. 154].*

Его прияли малость и величье,
и к тварям херувимы снизошли
сказать, явясь во бабочек обличье,
что зачали звериное и птичье,
и вещи, точно плоть девичья,
его познавши, понесли [5].

О каком плоде идёт речь? Во-первых, речь может идти о дальнейшем развитии идей Франциска. Во-вторых, в «Часослове» одной из лексических

единиц, употребляемых для актуализации концепта «Смерть» («Tod») служит Frucht (плод). Жизнь и смерть не являются взаимоисключающими или конфликтующими явлениями. Смерть является итогом жизненного пути человека, плодом его жизни. Человек должен стремиться к полноценной, духовной жизни, близости к окружающему миру и богу, чтобы его жизнь и смерть были его собственными. В этом случае и жизнь, и смерть будут для человека естественными процессами бытия (более подробно см. [3]). Песни Франциска являются призывом к жизни на земле.

На возможность подобной интерпретации указывает тот момент, что далее в стихотворении идёт речь о смерти Франциска:

Und als er starb, so leicht wie ohne Namen,
da war er ausgeteilt: sein Samen rann
in Bächen, in den Bäumen sang sein Samen
und sah ihn ruhig aus den Blumen an.
Er lag und sang. Und als die Schwestern kamen,
da weinten sie um ihren lieben Mann [6, с. 154].

Когда ж он умер, то, как в колыбели,
был безымянен. Семя потекло
в ручьях, деревья от него запели.
Оно в росе, прозрачной как стекло,
над ним цветком вставало и росло.
Он пел и мёртвый. Сёстры же скорбели
над милым мужем тяжко и светло [5].

Следует обратить внимание на слова о смерти Франциска *leicht wie ohne Namen* (легко как без имени), они отсылают к стихотворениям, в которых лирический герой рассказывает о смерти людей в большом городе, для описания их смерти он использует эпитет *schwer* (тяжёлый). Их смерть не являлась результатом полноценной, настоящей жизни, поэтому и смерть их тяжела. Франциск, наоборот, жил «встроено» в бытие, в единстве с природой и жизнью и поэтому смерть его легка (*leicht*). Что касается слов *wie ohne Namen*, следует отметить, что эти слова так же используются для описания бога (*Gipfel ohne Namen* «Du Berg, der blieb da die Gebirge kamen» [6, с. 122] («Ты превышаешь горные вершины» [5]), и для описания бедных *nicht eine Narbe ihres Namens* «Und wenn sie schlafen» [6, с. 146] («А если спят, их словно возвращают» [5]). Имя является одной из характеристик истолкованного мира, мира людей в противоположность миру природы. Отсутствие имени указывает на принадлежность Бога, бедных и Франциска к миру природы. После смерти Франциск отдал всего себя природе, растворившись в ней. Его смерть – это дар жизни, в его смерти утверждается жизнь.

Следующее стихотворение «O wo ist er, der Klare, hingeklungen?» [6, с. 155] («Где ж отзвучал он с нежностью дочерней?» [5]) рассказывает об ожидании Франциска:

O wo ist er, der Klare, hingeklungen?
Was fühlen ihn, den Jubelnden und Jungen,
die Armen, welche harren, nicht von fern?

Was steigt er nicht in ihre Dämmerungen -
der Armut grosser Abendstern [6, с. 155].

Где ж отзвучал он с нежностью дочерней?
Зачем не чаются несчастной черни
вдали его, ликовника, черты?

Что ж не взойдёт он к ней во мрак вечерний
звездой великой нищеты? [5]

Бедные ожидают Франциска, который должен прийти на их защиту. Глагол *harren* (ждать) имеет дополнительную коннотацию «ждать упорно, с нетерпением», бедные с нетерпением ждут его. Сравнение Франциска с вечерней звездой (*Abendstern*) может служить намёком на Вифлиемскую звезду, которая привела волхвов к новорождённому Иисусу Христу. Франциск Ассизский может служить проводником бедных к Богу. Оправданность подобного сравнения возникает из стихотворения «Das letzte Zeichen laß an uns geschehen» [6, с. 130] («Дай знаменью последнему свершиться» [5]), посвящённом смерти. В этом стихотворении имеется ряд отсылок к мифологии Нового Завета: *die Gottgebälerin* (богородица), *die Messiaide* (мессиада), *der Täufer* (креститель). Подобно евангельской истории, лирический герой просит Бога послать людям *Tod-Gebärer* (смерто-родителя) и желает быть его предтечей и написать о его жизни. Лирический герой выбирает на эту роль Франциска Ассизского. Слова *Zu vielen Tieren kamen Cherubim* (и к тварям херувимы снизошли) отсылают к евангельской истории, когда Деве Марии явился ангел и сообщил о скором рождении Иисуса Христа. Ясно прослеживается аналогия между Девой Марией и Франциском Ассизским. Таким образом, он уже является не просто идеальным бедным, но и спасителем всех бедных. Если Иисус Христос принёс спасение миру от смерти, надежду на жизнь после смерти, то Франциск должен принести жизнь-к-смерти, в которой не должно быть ожидания потустороннего *Kein Jenseitswarten*, человек должен быть обращён к этому миру, к жизни *dienend sich am Irdischen zu üben* («Alles wird wieder groß sein und gewaltig» [6, с. 106] «Всё будет вновь огромно и могуче» [5]). Более детальное рассмотрение этого элементарного смысла представ-

ляется нам оправданным в рамках исследования концепта «Смерть» («Tod») в цикле «Часослов».

Метасмысл «Франциск Ассизский – идеальный бедный» рассеивается в следующих направлениях:

1. Отказ от собственности;
2. Единство с природой;
3. Восхищение жизнью;
4. Воспевание природы и жизни;
5. Смерто-рождение.

Метасмысл концепта «Бедность» «Франциск Ассизский – идеальный бедный» репрезентирован следующими лексическими единицами:

- 1) Существительными – Kleid (платье), Besitz (обладание), Zeit (время), Innigste (самый искренний), Liebendste (самый любящий), Bruder (брат), Freude (радость), Entzücken (восхищение), Lächeln (улыбка), Wohlgefallen (удовольствие, симпатия), Wunder (чудо), Kindheit (детство), Pollen (пыльца), Lied (песня), Samen (семя), Heiterkeit (веселье), Fruchtbarkeit (плодovitость), Tier (животное), Nachtigall (соловей);
- 2) Прилагательными – jung (молодой), hell (светлый), rot (красный), ruhig (спокойный), langsam (медленный), wunderschön (прекрасный), lieb (любимый), klein (маленький);
- 3) Глаголами – erstarken (укрепляться), sprechen (говорить), entlanggehen (идти вдоль), singen (петь), schreien (кричать), berühren (касаться), sich loslösen (отделяться, освобождаться), erkennen (узнавать), empfangen (встречать), sterben (умирать).

Франциск Ассизский является тем самым спасителем, о котором лирический герой просит бога, который должен вывести бедных из большого города, спасти их от уничтожения. Отношение Франциска Ассизского к природе, в которой он видел олицетворение бога, трепетное отношение ко всему живому, отказ от богатства и обладания, покорения природы в угоду собственным желаниям, воспевание природы как самой жизни – всё это делает его бедным в высшей степени.

Список литературы:

1. Больнов О.Ф. Философия экзистенциализма: Философия существования / Сост. Ю.А. Сандулов; пер. С.Э. Никулина. СПб.: Лань, 1999. 222 с.
2. Воробей И.А. «Бог» и «ангел» в поэзии Р.М. Рильке. Пятигорск: ПГЛУ, 2007. 120 с.
3. Воробей И.А. «Жизнь-к-смерти» в «Часослове» Р.М. Рильке // Вестник Академии. 2011. № 4. С. 129-132.
4. Попов Ю.В., Трегубович Т.П. Текст: структура и семантика. Минск: Вышэйшая школа, 1984. 189 с.
5. Рильке Р.М. Часослов [Электронный ресурс] / Пер. с нем. С.В. Петрова. URL: http://www.sky-art.com/rilke/poetry/prayer_book/prayer_book2_1_ru.htm#t216 (дата обращения: 06.01.2015).
6. Рильке Р.М. Часослов. Книга для чтения на немецком языке. СПб.: КОРОНА принт; КАРО, 2004. 160 с.
7. Святой Франциск Ассизский [Электронный ресурс]. URL: <http://westernizer.com/index/0-76> (дата обращения: 06.01.2015).
8. Черкасова И.П. Лингвистический анализ элегий Р.М. Рильке (лексика и синтаксис «Дуинских элегий»): Дис. ... к. филол. н. Пятигорск, 1995. 242 с.
9. Hamburger K. Rilke. Stuttgart: Klett, 1976. 200 S.
10. Löwenstein S. Rainer Maria Rilkes Stunden-Buch. Theologie und Ästhetik. Berlin: Wissenschaftlicher Verlag, 2005. 150 S.

Появление фигуры Франциска Ассизского в конце цикла не случайно. Он объединяет все три книги «Часослова»: он и монах, и паломник, и бедный, и поэт [9, с. 90-91]. Фигура Франциска Ассизского трансформируется в позднем творчестве поэта в образ Орфея, певца. Певец, поэт – его задачей является изображение сущего, бытия. Бедность поэта – это богатство его свободы для этой задачи.

Поэтический концепт «Бедность» представляет собой динамичный, культурный конструкт, состоящий из двух частей: 1) общезыковой и 2) индивидуально-авторской. В общезыковой части концепта отражаются общие, привычные представления о бедности как об отсутствии богатства. Основное семантическое значение ключевого слова Arme (бедные) послужило основой общезыковой части концепта. Вторая часть концепта, включающая в себя индивидуально-авторские лексемы, отличается многочисленностью лексем, их отличием от общезыковых определений неожиданностью, необычностью и яркостью.

Бедность предстаёт в «Часослове» не как социально-экономический, а как экзистенциальный феномен. Бедность противопоставляется богатству города и провозглашается новым естественным принципом жизни. Как экзистенциальный феномен она является внутренним состоянием, характеризующимся отказом от обладания чем-либо, готовности к гибели, самопожертвованию, «встроенностью» в бытие, полное принятие жизни и единение с природой как основой жизни (и тем самым единение с богом), а поэт, певец как высшая степень бедности своим творчеством призван утверждать жизнь.

Представленная работа не претендует на полный и исчерпывающий анализ исследуемого концепта. За рамками статьи остались связи концепта «бедность» с некоторыми другими концептами или смыслами. Анализ и интерпретация этих смыслов, а также моделирование целостной концептосферы поэтического мира «Часослова» могут стать перспективой дальнейших исследований.

References (transliterated):

1. Bol'nov O.F. *Filosofiya ekzistentsializma: Filosofiya sushchestvovaniya* / Sost. Yu.A. Sandulov; per. S.E. Nikulina. SPb.: Lan', 1999. 222 s.
2. Vorobei I.A. «Bog» i «angel» v poezii R.M. Ril'ke. Pyatigorsk: PGLU, 2007. 120 s.
3. Vorobei I.A. «Zhizn'-k-smerti» v «Chasoslove» R.M. Ril'ke // *Vestnik Akademii*. 2011. № 4. S. 129-132.
4. Popov Yu.V., Tregubovich T.P. *Tekst: struktura i semantika*. Minsk: Vysheishaya shkola, 1984. 189 s.
5. Ril'ke R.M. Chasoslov [Elektronnyi resurs] / Per. s nem. S.V. Petrova. URL: http://www.sky-art.com/rilke/poetry/prayer_book/prayer_book2_1_ru.htm#t216 (data obrashcheniya: 06.01.2015).
6. Ril'ke R.M. Chasoslov. *Kniga dlya chteniya na nemetskom yazyke*. SPb.: KORONA print; KARO, 2004. 160 s.
7. Svyatoi Frantsisk Assizskii [Elektronnyi resurs]. URL: <http://westernizer.com/index/0-76> (data obrashcheniya: 06.01.2015).
8. Cherkasova I.P. *Lingvisticheskiy analiz elegii R.M. Ril'ke (leksika i sintaksis «Duinskikh elegii»)*: Dis. ... k. filol. n. Pyatigorsk, 1995. 242 s.
9. Hamburger K. *Rilke*. Stuttgart: Klett, 1976. 200 S.
10. Löwenstein S. *Rainer Maria Rilkes Stunden-Buch. Theologie und Ästhetik*. Berlin: Wissenschaftlicher Verlag, 2005. 150 S.